

Глава 1

Лондон, лето 1876 г.

Кто-то крался за ней по пятам.

Ощущение тревоги вдруг нахлынуло на Гаррет, и тонкие волоски на руках встали дыбом. С недавних пор во время еженедельных визитов в лазарет рабочего дома ее сопровождало неотступное чувство, что за ней пристально наблюдают. Чего-то конкретного, чтобы утвердиться в своей тревоге — например, мимолетного явления незнакомца за спиной или звука шагов, — не было, но она чувствовала чье-то присутствие рядом.

С докторским саквояжем в правой руке и ореховой тростью в левой, Гаррет продолжала идти быстрым шагом, обращая внимание на каждую мелочь вокруг. Церковный приход Клеркенеуэлл в лондонском Ист-Энде не место для легкомысленных. К счастью, до недавно проложенной широкой улицы, где можно было нанять кеб, осталось всего каких-то два квартала.

Стоило ей выйти на Флит-стрит, как из-под решетки на мостовой вырвалось ядовитое облако подземных испарений, и на глазах выступили слезы. Гаррет могла бы прикрыть нос и рот надушенным носовым платком, но жительница этих мест так никогда не поступила бы, а ей не хотелось выделяться.

Черные от копоти многоквартирные дома, прижимавшиеся друг к другу, словно зубы во рту, хранили зловещее молчание. Большинство этих полуразрушенных зданий были обречены под снос и стояли закрытыми, ожидая начала новой застройки. С другого конца улицы свет фонарей едва пробивался сквозь туман, который, осев, заглушил все звуки и почти скрыл кроваво-красную луну. Совсем скоро здесь появится обычный для этих мест контингент: разносчики еды, карманники, пьяницы и проститутки, — но Гаррет к этому времени собиралась быть далеко отсюда.

Внезапно из зловонного мрака показались трое одетых не по форме солдат и с сиплым хохотом двинулись ей навстречу. Гаррет замедлила шаг и перешла на другую сторону улицы, стараясь не высовываться из тени, но было поздно — один из солдат заметил ее и обратился к своим товарищам:

— Гляньте, какая удача! Милая потаскушка: как раз чтобы развлечься на ночь глядя.

Бросив холодный взгляд на троицу, Гаррет крепко стиснула изогнутую ручку трости. Можно было не сомневаться, что мужчины явно злоупотребили выпивкой, целый день просидев в таверне. Там всегда находилось множество развлечений, чтобы занять простых солдат, оказавшихся в увольнении.

При их приближении сердце Гаррет учащенно забилося.

— Позвольте мне пройти, джентльмены, — решительно заявила она, намереваясь снова перейти на противоположный тротуар.

Однако мужчины преградили ей путь, посмеиваясь и пьяно покачиваясь.

— Надо же: говорит прямо как благородная леди, — заметил самый молодой, видимо, где-то потерявший фуражку, поскольку рыжие волосы торчали в разные стороны.

— Никакая она не леди, — возразил ему другой солдат, высокий, с худым лицом, почему-то без форменного кителя. — Леди по ночам одни не ходят. — Он рассматривал Гаррет с ухмылкой, обнажив желтые зубы. — Давай отойди к стеночке и задери юбки, красotka. У меня настроение получить удовольствия на три пенни.

— Вы ошиблись, — отрезала Гаррет и попыталась обойти их. — Я не проститутка. Кстати, тут поблизости есть несколько борделей, где вы получите удовольствие за ваши деньги.

— Даже и не подумаю платить, — гаденько усмехнулся длинный. — Я все получу бесплатно. И прямо сейчас!

Надо сказать, Гаррет не в первый раз попадала в ситуацию, когда ее оскорбляли или грозили расправой во время посещений бедных районов Лондона. Пришлось даже взять несколько уроков у профессионального фехтовальщика, чтобы суметь защитить себя в подобных случаях. Но сегодня она чувствовала себя вымотанной после приема по меньшей мере двух дюжин пациентов в лазарете работного дома, и ее бесило, что приходится выяснять отношения с этой троицей задир, когда так хотелось оказаться дома.

— Вы состоите на службе ее величества, и разве вам неизвестно, что вашей священной обязанностью является защищать честь женщины, а не попирать ее? — ядовито заметила она.

К разочарованию Гаррет, этот вопрос вызвал лишь искренний смех, а не стыд.

— Так и просит насадить ее на крюк, — заговорил третий солдат, коренастый парень с грубым, изрытым оспой лицом и тяжелыми веками.

— Она может поелозить и на моем крюке, — предложил самый молодой и натянул ткань брюк так, чтобы продемонстрировать очертания своего естества.

Солдат с худым лицом, глядя на Гаррет, выразительно усмехнулся:

— Давай-ка к стеночке, моя прекрасная леди. Проститутка ты или нет, мы сейчас тебя попользуем.

Коренастый вытащил из кожаных ножен на поясе штык со смертельными зазубринами и, потрясая им в воздухе, прохрипел:

— Делай что говорят, или я настрогаю тебя как бекон!

Гаррет слегка затошнило, сердце бешено колотилось, и она холодно заметила:

— Доставать оружие из ножен во время увольнения противозаконно. А вкупе с употреблением алкоголя в публичном месте и изнасилованием это грозит вам наказанием поркой и заключением в тюрьму по меньшей мере на десять лет.

— Тогда будь уверена: я отхвачу тебе язык, чтобы ты не проговоришься, — криво усмехнулся коренастый.

А ведь он так и сделает: Гаррет в этом не сомневалась. Будучи дочерью отставного констебля, она понимала: раз этот тип достал оружие, то наверняка применит его. В прошлом ей частенько приходилось накладывать швы на резаные раны на щеках и на лбу

женщинам, которым насильники хотели «оставить что-то на память» о себе.

— Подожди! — остановил его молодой. — Не надо запугивать бедняжку. — И повернувшись к Гаррет, добавил: — Давай мы сделаем то, что нам хочется. Все пройдет проще, если ты не будешь сопротивляться.

С трудом подавив вспышку ярости, Гаррет вспомнила правила боя, преподанные ей отцом. «Держи дистанцию. Не давай обойти себя с флангов. Убалтывай и отвлекай внимание противника, чтобы выбрать удобный момент».

— К чему применять силу к женщине, которая не хочет? — спросила она, осторожно опуская саквояж на землю. — Если у вас нет денег, я дам вам несколько шиллингов: этого достаточно, чтобы оплатить бордель.

Незаметно ее рука скользнула во внутренний карман саквояжа, где лежали завернутые в кожу хирургические ножи. Пальцы обхватили тонкую серебряную ручку скальпеля. Выпрямившись, она ловко спрятала его от посторонних глаз. Знакомая тяжесть инструмента успокоила.

Периферическим зрением Гаррет заметила, что коренастый со штыком в руке начал обходить ее сбоку. Одновременно длинный резко сократил расстояние между ними, заверив:

— Мы, конечно, возьмем шиллинги, но сначала попользуем тебя.

Удобнее обхватив ручку скальпеля, Гаррет прижала большой палец к плоской стороне хирургического ножа, а кончик указательного осторожно положила на тыльную кромку лезвия. «Сначала попользуй вот это!» — подумала она и резким движением выбросила

руку вперед, надеясь, что рука не дрогнет. Смертельно острое маленькое лезвие воткнулось длиннору в щеку. Вскрикнув от удивления и злости, он замер на месте. Не останавливаясь, Гаррет развернулась к солдату со штыком, взмахнула тростью, словно теннисной ракеткой, и изо всех сил врезала ему по правой руке. Застигнутый врасплох, коренастый взвыл от боли и выронил штык, но Гаррет не остановилась на этом и врезала ему тростью по левому боку. Раздался хруст костей. Затем со всего размаха воткнула ему конец трости в пах, отчего солдат сложился пополам, а закончила тем, что ручкой трости нанесла ему снизу вверх удар в челюсть. Коренастый сполз на землю, как незастывшее желе.

Подобрав штык, Гаррет повернулась к двум оставшимся солдатам и в следующий миг замерла от удивления.

Оба солдата лежали на мостовой, раскинув руки и ноги.

Это что — уловка? Они делают вид, что потеряли сознание, чтобы заставить ее подойти поближе?

От прилива адреналина Гаррет все еще сотрясала дрожь, но постепенно она осознала, что критическая ситуация позади, и медленно приблизилась к лежавшим мужчинам, предусмотрительно оставаясь на безопасном расстоянии. Несмотря на то что рана от скальпеля на щеке длинного казалась серьезной, этого было недостаточно, чтобы он впал в бессознательное состояние. Впрочем, на голове у него зияла кровавая отметина, которая, судя по всему, стала следствием мощного удара.

Потом внимание Гаррет обратилось на молодого солдата. Ей показалось, что у того сломан нос, из которого обильно текла кровь.